

Как совладать с истомой,
Сверзившись в пластуна,
Если в зиме бездонной
Начат подъём со дна?

Здесь, на границах плоти,
С минимумом цидуль
Дума об оцелоте
Рядится в поцелуй.

Истин вагон постигнув,
Жить приказав трудам,
Прянешь во мглу инстинктов
Под племенной тамтам.

Горестней на отшибе
Плакать о мудреце
Там, где в любой йешиве
Чудится медресе.

Лишь бы не с игроками
Похоти островной
Чувствовать содроганье
Светоча над страной.

Тем, кого оглоеды
Заперли в денниках,
Дёрганный пульс планеты
Не ощутить никак.

Единенье, единенье!
 С каждым часом ледянее
 Травы, дерева...
 Беспокойство изгоняя,
 Волглый воздух – цирк с конями –
 Зыблется едва.

С нами Бог! Под небом Юга
 В объективы брызжет клюква.
 Что ж судьбу клеймим?
 Тлеет, исподволь опасна,
 Дальняя авиабаза
 Именем Хмеймим.

Эй вы, Эбла и Арманум,
 Уступаете норманнам?
 ...И не то отдашь,
 Если в кулаке путчиста,
 Что успел ответить «чисто!»,
 Взмолится алкаш.

Долго будет он являться,
 Омерзением лифляндца
 Зябкий рот кривя.
 Будем помнить, как бежали,
 Кто в трусах, а кто в пижаме,
 В дикие края.

Как бежали мы с узлами,
 Выли, приходя в сознание,
 Плакали навзрыд,
 Кто с портфелем, кто с рейшиной,
 И тоской неразрешимой
 Был наш путь изрыт.

Кто ж мы, Господи, такие?
 То в частушке мы, то в гимне –
 Те же, что всегда.
 Чем бы нас ни озаряли,
 Лил бы ливень с пузырями,
 Высота – взята.

Вот эти шпалы – год, иной,
Размозжены, убиты в ноль,
И в солидоле –
Главарь, что сбиться понукал
Сюда, где ослабел угар
Мирской юдоли.

Нашёлся б хоть один герой
Прервать искрящейся игрой
Молчанье комнат!
Ужели так они вредны,
Пинакотечные ряды,
И пыль, и холод?

Но Ты, что вечно при делах,
Остановись, податель благ:
Ты шутишь плоско.
Что ты за бездну там разверз,
Пошлее Комеди Франсэз,
Больнее Босха?

Воззри ж, как утром золотым
Истаивают, словно дым,
Слои тумана.
А плоть? Осилив скакуна,
И углеродиста она,
И атомарна.

О, мир! Ты странен, как фольварк,
Весь в змеях, ястребах и львах,
Среди саванны,
Где мы, держась в миру своём,
По дням термитами снуём,
Бессмертьем званы.

Ему Тобой принесены,
Мы – ожидание зимы,
А в промежутках
Лютует вьюга, даль яря,
Под серебрянье ноября
На листьях жухлых.

* * *

Среди волнения людского
Одним лишь словом утолим,
Я не скажу тебе ни слова,
Поскольку связан только им:
Окончен труд в бездонных штольнях,
Страда поклонов поясных,
И голову задравший школьник
Снежинки ловит на язык.

Веленьем время хомутавших
Зевак молитва начата:
О, что за ель! Виват, монтажник!
Прелестница, не нам чета!
Гремит полуденная спевка,
Не чуя суши под собой,
И в пустоте сиянье снега
Главенствует над пустотой.

Блестит, как чешуя драконья,
Витрин оплавленный черпак:
Предновогодняя торговля,
Единственный источник благ,
И я с рождения в ответе
За праздничный рыбоотлов
И сталагмиты городов,
Налипшие на облик тверди.

* * *

Ещё зарешёчены поймы витрин,
Черны половодья магазинов,
И газовый свет, что механик внедрил,
Звенит, пред рассветом угаснув.

И я, не способный осмыслить сие,
Гляжу на ублюдский товарец,
Не помня ни мёртвых в промёрзшей земле,
Ни мене, ни текел, ни фарес.

О, если б в прогнившем эрзац-бытии
Безумием не красоваться,
Пока зацеловывают бутики
Удавленники государства!

Но, чтобы упиться зимой допьяна
Январским ветрам на потребу,
Достаточно мне голубого пятна,
Крадущегося по небу.

Не то, что когда-то впечатал аллах
Огнём прямо в сердце пророка –
В чужих и совсем не медвежьих углах
Забудешь, где ГУМ, где Петровка.
То вопли в окне, то ослиная вонь.
Известные, в общем, лекала –
Небитая ксива и ствол нулевой –
Избитый набор нелегала.

И где они столько проулков берут,
Как будто бы из алебаstra...
О, как он сиял довоенный Бейрут!
Как только, наверное, Басра.
Всплывут поневоле и морды ханыг,
И выстрельных искр высеканье,
Кривые маршруты путей отходных,
Заплетшиеся узелками...

У нас же, известно: полгода ни зги.
От гула Варшавки оглохнув,
Душа воспарит, устремится в пески
От слякотных этих вагонов.
И тут не какой-то там адреналин,
Приязнь к вечеринкам-коктейлям,
А судьбы, которым Господь предварил
Восшествие упокоеньем.

Прости за упрощенье,
Достойное реклам,
Родившийся в пещере
У девы Мариам,
Но как понять и можно ль
Упорствовать вдвойне,
Не зря во мгле вельможной
Пришествие твое?

В том стойле, где намечен
Божественный маршрут,
При бляянье овечьем
Спасителя не ждут.
Во бдениях бессонных
Гадальщик разъездной
Предрёк, что станет сполох,
Звезду затмив звездой.

Приютам и харчевням
В скрещении судеб
Ковчegovым кочевьем
Является вертеп.
И Ирод, нервно плюнув
Меж ромбом пахлавy,
Не верит в трёх верблюдов:
Какие там волхвы...

Но явь уже явила
Мальчишечьи глаза
От сотворенья мира
И до его конца.
На гибель веку-вепрю
Сугуба ектинья,
И сказкам я не верю,
Но верую – в Тебя.

* * *

Валялись на матах в спортзале,
То брусья трясли, то турник,
Чтоб дети, которых спасали,
Запомнили только троих –
Того, кто бежал вдоль ограды,
Из тех, что пробились втроём,
Кого земляки, толерантны,
Накрыли каким-то тряпьём.

Того, кто лежал на фанере
От крыши, раздолбанной в хлам,
Того, кто высаживал двери,
Того, кто садил по углам.
Спасителя путь одинокий
Безводен и простоволос –
От раны, жены-идиотки ль
Бросаться под мусоровоз.

Запомните – каждый обломок
В квартале насквозь типовом:
Пожарные выходы в пломбах,
Застреленный радиэфон,
Сгущение выкриков сиплых,
Судьбу, что подол задрала,
Промокшие створы носилок
И жареный дым со двора.

* * *

Говорил мне век-дебил:
Я тебя объединил
С русским горем безутешным.
Каково в рядах терпил?
Отвечал я: слышь ты, тварь,
Хоть оглоблей отоварь,
Лишь дыхание задержим,
А вот ссучимся – едва ль.

Говорил мне век-профан:
Карачун твоим правам,
Полюбуйся, лох педальный,
Как я всех обворовал.
Отвечал ему я так:
И в трудах, и в маятах
Всяк измучен грустью тайной,
Но не слизистый пятак.

И торгаш ты, и вандал,
И пастух своих отар,
Но тебе ль я, сучий потрох,
Годы лучшие отдал?
Не тебе, и потому,
Слышен Богу одному,
Плит своих огнеупорных
Мерзости не отомкну.

* * *

Полжизни о цепи да об ошейнике...
Любой в уме давно б уже послал
Семидесятых ломкое брожение
И девяностых траурный базар.

Таким дерьмом отборнейшим нас пичкали! –
То Берия божествен, то Колчак –
Отплёвываясь жёваными спичками,
Шипя о спецзаказах и харчах.

Ветшавший век... на нём – толпища-толпища.
Ни перспектив, ни планов, абы как.
Окурок жизни – он святитель тот ещё,
О хладокомбинатах и быках.

Фарца, снабженцы – вот чьё было мнение.
Засалятся одни, других почнём.
А если бы иной нас мерой мерили,
Себя б и не узнали нипочём.

* * *

Одно и навсегда: одолевай,
Пока размеренно и беспристрастно
По-ленинградски щёлкает пространство
И снегопады празднуют январь.

От безразличья не окоченей,
Когда зимы вторая половина
Синичий трепет в сердце уловила,
И вот уже ты весь охвачен ей,

И будто на виду у всей страны
Выходишь, и томительно равнинны
Снеговиков, и крепостей руины,
И лиственниц озябшие стволы.

Не припадай к дверному косяку,
В метельные круги ступай, не горбясь,
Когда случайно уцелевших опись
Идёт по птичьим крестикам в снегу.

* * *

Блёклые паруса
Суетной колготни,
Праздного полусна
Серые полудни –

Нытикам здоровей
Патриотизм квасной,
Вёрткий, как соловей,
Цокавший здесь весной.

Дней уже эдак сто
Зябко желтеет спил
Там, где он свил гнездо,
Там, где гнездо он свил.

Тянутся ль не спеша
Судьбы, в труде, в тоске ль –
Песнь, что была свежа,
Стала земли тусклей.

Мнимой величины
Горький комок сглотну:
Ветви зимы, черны,
Тянутся в пустоту.

* * *

Я радовался каждому из дней
Весны, пришедшей изнутри, извне ли,
Когда и даль становится ясней,
И сам себе становишься яснее.

Бесснежно мне. На глади февраля
Не содрогнуться б, словно запятая,
Судьбой своей беспомощно руля,
Солёным снегом будни заеда.

Двусмысленным «отведай передка»
Звучит посланье, но уже так въяве
Весны ещё далёкой берега
Распахиваются, как верность клятве.

* * *

Поступившись немногим
Из намёрзших пустот,
Этот март, как синоним,
Обрывается в спорт,
От былых наваждений
На погибель шутов
Полусгнивший форштевень
Обращая в швартов.

У последней декады
Королевского льда,
Колотя предикаты,
Восстаёт коляда,
И почти что условны
Вне барачных присяг
Обнажаются склоны,
Как мещане в перстнях,

И сигналивший рындам,
Полнолунием отжит
По дорогам подрытым
Смутный отблеск бежит,
И в чаду превращений
Обретая приют,
Просыпается щебень,
И синицы поют.